У Михея Дюндика было пятеро взрослых сыновей: Матвей, Лексей, Федор, Гордей и Мыхаль. С фронта вернулись трое: Матвей, Лексей и Гордей. Лихой казак был Гордей Михеевич — георгиевский кавалер, с тонким иконописным лицом. Воевал на Балканах, в Порт-Артуре, с японцами. Вернулся с фронта израненный, изнуренный бесконечными болезнями. Его жена Марфа Демидовна родила ему одиннадцать детей. Впоследствии трое из них умерли, а единственный сын Михаил погиб во время Второй мировой. Осталось семь дочерей. Старшие — Софья, Ганна, Марьяна и Настя родились еще там, в Собыче. А Мотя, Маня и Катя — после войны здесь, на хуторе. Девчата были на редкость красавицами.

Как-то отец взял с собой Галю и Настю на ярмарку. Сейчас трудно даже представить, что молодежь дальше хутора вообще нигде не была, даже в соседние села не было принято ходить. А тут сразу в город. И не по делу: продавать было нечего, покупать - не на что, а просто так, для интереса. Для девчонок эта поездка стала великим событием. По воспоминаниям Галины Гордеевны, они с сестрой как услышали звуки гармошки, так и вышли в круг плясать. Обе тоненькие, стройные, с косами ниже пояса, в расшитых украинским орнаментом сорочках и «квартуха», сразу приглянулись местным парубкам. Один из них, берсеневский бравый кавалер пригласил Галю покататься на каруселях. Она хоть и очень стеснялась своих постолов (обувка типа лаптей), но не смогла преодолеть искушения, согласилась. А парень так запал на приезжую красавицу, что готов был уже и сватов засылать. Однако в хуторе царил строжайший запрет на смешанные браки. Полагалось жениться и выходить замуж только за своих.

Но мы немного забежали вперед. Как известно из истории, столыпинская аграрная реформа не привела к коренным социально-экономическим сдвигам и не смогла предотвратить назревание новой буржуазно-демократической революции. В стране развернулось массовое крестьянское движение, ведущее место в котором занимали антипомещичьи выступления. Широкое распространение получили столкновения крестьян с войсками и полицией, так называемые землеустроительные бунты. Усилилась борьба деревенской бедноты против «новых помещиков» — хуторян. Особенно в этом преуспели жители соседних русских сел Лопатина и Репьевки. То и дело пытались чем-нибудь навредить приезжим, у которых и на полях все росло, как на дрожжах, и в огородах зрело, поспевали ягоды, смородина, поречки и т.д. За хутором появились пруды, на «юлыцах» (улицах) высоко подняли в небо свои «шеи» журавли колодцев, возле хаток зазеленели ветлы, клены и березы.

Старики вспоминали, как в августе 1917 года двинулась на хутор разъяренная толпа с лопатами, топорами и коромыслами. Правда, об этой запланированной акции предупредила хуторян лопатинская деревенская дурочка Алена, которая изредка наведывалась в хутор, где над ней не смеялись, как было принято, а привечали и всегда чем-нибудь угощали. Так что хуторяне заблаговременно «сховалы» детей, а Иван Шостак и Петр Лаптун поскакали в Саранск за казачьей сотней.

Говорят, что когда многочисленная толпа погромщиков запылила по дороге, зрелище было не только страшное, а просто ужасающее. Однако конные вооруженные казаки подоспели вовремя. Погром был предотвращен. А тут уж вскоре грянула революция. И хоть попыток открытых выступлений больше не повторялось, зло на приезжих соседей сохранялось очень долго. Русские звали украинцев «хохлами», а те их в свою очередь

«кацапами». О братской дружбе пока не было и речи.
Все знают: «хохлы» — народ работящий. Пока «кацапы» сидели на завалинках в нестиранных «спидницах» и лузгали семечки, в хуторе обживали землю обетованную, работая с темна до темпа. «Робылы, як волы», — вспоминают хуторяне. Они и назвали вновь появившуюся деревню хутором «Батрак».
Не сразу полюбилась переселенцам новая земля. Пока поднимались хатки да подрастали дети, натерпелись много горя, болезней да нищеты. Зато взаимовыручка хуторян крепла. Тут уж точно все было по пословице: «Один за всех и все за одного». Тревожный набат старинного колокола, который висел в центре села, моментально собирал и взрослых и детей в случае любой угрозы или беды. Но потихоньку жизнь налаживалась.
Коллективизация прошла здесь менее болезненно. Обошлось без острой классовой борьбы, убийств и крови. Первый колхоз появился в конце 20-х годов и был назван в честь наркома просвещения Украины Петровского.
ЛЮДМИЛА ПРЕСНЯКОВА.

(Продолжение следует).